

891.71
Д-534

На правах рукописи

ДМИТРИЕВ Алексей Вячеславович

**НЕОМИФОЛОГИЗМ
В СТРУКТУРЕ РОМАНОВ В. ПЕЛЕВИНА**

10.01.01 — русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград — 2002

✓
Работа выполнена в Астраханском государственном педагогическом университете

09-299/14
Научный руководитель:

доктор филологических наук,
профессор *Геннадий Григорьевич
Исаев*

ОКР

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор *Светлана Валентиновна
Перевалова:*

кандидат филологических наук,
доцент *Александр Владимирович Млечко*

Ведущая организация:

Ставропольский государственный университет

Защита состоится 15 ноября 2002 года в 10 часов на заседании диссертационного совета в Волгоградском государственном педагогическом университете по адресу: 400131, г. Волгоград,

в научной библиотеке Волгоградского университета.

1 2002 г.

Е. А. Добрыднева

Е. А. Добрыднева

891. 71

Д - 534

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется недостаточной исследованностью творчества Виктора Пелевина, местом, которое оно занимает в современном литературном процессе, неоднозначностью критических оценок, объясняющейся принадлежностью писателя к массовой и постмодернистской литературе.

В. Пелевин стал известен в начале 1990-х годов как автор фантастических произведений, вызвавших множество критических откликов. В основе своей отзывы сводились к реакции на внелитературные аспекты творчества писателя, его поведенческую стратегию. Среди подобных отзывов следует выделить рецензии Р. Арбитмана, Д. Бавильского, А. Немзера на романы «Омон Ра» и «Жизнь насекомых». По мнению критиков, ранние рассказы, повести, романы продемонстрировали основные тенденции развития прозы данного автора, сделали явным стремление создать ряд обладающих разной степенью аутентичности картин современной жизни и сознания. При этом писатель постулировал вариативность взглядов на окружающую действительность, так называемых «индивидуальных мифов».

Более неоднозначными оказались отзывы на появившийся в 1996 году роман «Чапаев и Пустота». А. Генис охарактеризовал его как литературное произведение, широко популяризирующее буддийское мировоззрение, А. Курский соотнес конфликт романа с системой архетипических образов и мифологических мотивов, И. Роднянская, В. Курицын, С. Корнев, Д. Быков отметили свежесть подхода писателя к влиятельным современным дихотомиям и мифам, увлекательность фабулы и смелость в обращении с некоторыми «литературными условностями». В свою очередь, С. Кузнецов, П. Басинский, А. Архангельский, Н. Александров развивали тезис о несостоятельности В. Пелевина как прозаика ввиду низкого качества и явной конъюнктурности его текстов.

Последний роман писателя, «Generation П'», вызвал особенно высокий читательский интерес и по этой причине — максимальное количество публикаций в периодике. И. Роднянская, С. Костырко, А. Ройфе отстаивали достоинства этого произведения В. Пелевина, указывали на его новаторство как причину отторжения большинством критиков. Однако даже А. Генис и В. Курицын признали «недоработанность» романа и чрезмерную ориентацию автора на читательские вкусы. Почти не нашлось нейтральных точек зрения, за исключением позиции Л. Пирогова, многократно воспроизведенной в его публикациях, посвященных в том числе

В. Пелевину.

В целом лишь в самое последнее время начала формироваться тенденция основательного осмысления вклада В. Пелевина в современный литературный процесс. Работы, касающиеся его творчества, по-прежнему сводятся в основном к критическим публикациям в периодике, но появляются — пусть недостаточно полные — обзоры в исследованиях, посвященных современной русской литературе («Русский литературный постмодернизм» В. Курицына).

«Неомифологическое сознание» — свойство культурной ментальности всего XX века. Мифологические сюжеты, мотивы, структуры активно используются в ходе создания художественных произведений. Миф начинает восприниматься как существующий не только в архаическом варианте, но и как свойство человеческого сознания. Постмодернизму же по определению свойственен интерес к мифу преимущественно в последнем значении. Теоретиками направления вводится понятие постмодернистской чувствительности как осознания заведомой неоправданности каких-либо иерархий, претендующих на абсолютность систем приоритетов, невозможности существования сколько-нибудь аутентичной картины мира, мифологичности любого авторитетного «взгляда на мир» (Д. Фоккема, Д. Лодж). Из осознаваемых таковыми мифологем В. Пелевин и создает художественный мир своих текстов.

Традиционно под неомифологизмом понимают ориентацию художественной структуры текста на архаические мифологемы, однако в более широком значении неомифологизм правомерно определить как любое заимствование мифологических структур, в т. ч. недавно сложившихся.

Для творчества В. Пелевина характерен неомифологизм как особого рода поэтика, структурно ориентированная на сюжетно-образную систему мифа, своего рода разновидность интертекстуальности. Анализ этого явления актуален, поскольку неомифологизм непосредственно участвует в структурировании произведений и создании образа повествователя, то есть является активным элементом системы «средств выражения», а значит, может быть назван одной из основных черт поэтики В. Пелевина. Художественная специфика романа как жанра создает максимально приемлемые условия для продуктивного использования неомифологизма. Роман предполагает наиболее полное воспроизведение мировоззренческой концепции автора, а также наличие неких неординарных событий, которые, согласно Ю. М. Лотману, есть специфическая особенность бытия личности в эпическом контексте, романная «форма понимания события как нарушения обычного, “неинтересного” движения жизни, в ходе которого происходит встреча и взаимодействие героя с действительностью, находящейся за пределами его прошлого опыта, “перемещение персонажа через границу семантического поля”» (Н. Рымарь).

Миф — вторичная, не в полном объеме подчиняющаяся сознанию структура, любая попытка постижения которой ведет к созданию метаязыка. Она перестает быть мифом, порождая, в свою очередь, миф о себе. Таким образом, любое действие влечет в конечном итоге порождение мифологии. Ею человеческое сознание неосознанно пользуется в удобный для себя момент, объясняя происходящее с помощью усвоенных структур, в которые вписывается новое. Обретение им присвоенных характеристик, акт «вписывания», а также ранее воспринятые структуры, задействованные сознанием, — в совокупности все это становится новосотворенным мифом об очередном событии.

Становится очевидной необходимость мифологии для стабилизации (через ритуализацию) отношений внутри любого социума. Религиозные заповеди, моральные нормы, общественное право оказываются с этой точки зрения формами регулирования поведения индивидов в обществе. Имеется в виду, что названные установки являются структурами, дискурсивными практиками, текстами, настаивающими на тотальном соответствии наиболее приемлемому в объективной реальности поведению. Характеристики поведения при этом навязываются данными образованиями, исходя из повлиявших на их генезис ранее существовавших структур. Таким образом, перечисленные ритуализованные культурные формы осознаются как вторичные.

Очевидно, что традиционалистское понимание мифа в качестве древнейшего сказания, являющегося неосознанно-художественным повествованием об имеющих значение, большей частью загадочных для древнего человека явлениях, принимается как лишь одно из нескольких возможных. Миф в том значении, которое признается нами денотативным, в наибольшей степени соотносим с метанаррациями, метадискурсами, метарассказами Жана-Франсуа Лиотара. К ним этот французский теоретик постмодернизма причисляет специфические типы дискурса-повествования, являющиеся вербализованными экспликациями определенных сегментов человеческого знания, под которым понимается весь позитивистский корпус традиционных — научных, социально-политических, культурных — строго иерархизированных дискурсивных практик.

В. Пелевину свойственно остраненное отношение к любым «метанаррациям», осознание их существования и управляемости вместе со стремлением и способностью управлять. «Рассказ о мире», «метаповествование», коллективное бессознательное обнаруживают свою идентичность понятию «миф» в принятом нами значении.

«Политическое бессознательное» позднесоветской эпохи становится объектом внимания нарратора в первом романе В. Пелевина «Омон Ра». Эта направленность мифологии на «снятие противоречий» в советском социуме постоянно подчеркивается повествователем. Меняющееся «кол-

лективное сознание» послесоветского времени исследуется в трех последних романах писателя — «Жизнь насекомых», «Чапаев и Пустота», «Generation .П'». Наиболее влиятельные мифологические образования называются в поле внимания автора как «предтексты» при структурировании всех четырех романов.

Круг литературы по проблеме современной мифологии достаточно широк, однако творчество В. Пелевина в названном аспекте остается неизученным.

Объектом исследования являются романы В. Пелевина 1990-х годов («Омон Ра», «Жизнь насекомых», «Чапаев и Пустота», «Generation .П'»).

Предметом анализа становится неомифологизм как черта поэтики романов В. Пелевина.

Цель работы — рассмотрение особенностей функционирования неомифологических элементов в структуре романов В. Пелевина. Ставятся следующие **задачи**:

- рассмотреть диахронический аспект использования В. Пелевиным современных мифологических структур;
- описать взаимодействие мифологических структур друг с другом и с текстами романов писателя;
- установить связь структуры романов В. Пелевина с архаическими моделями мифа, вычленить мифологические мотивы;
- изучить степень влияния современных мифологем, метарассказов на структуру романов В. Пелевина;
- охарактеризовать комплекс мифов, создаваемый нарраторами романов В. Пелевина.

Ввиду разнообразия видов связи текстов В. Пелевина и мифологических структур **методологической базой** диссертационного исследования является комплекс подходов к явлениям литературного творчества. В работе использованы элементы нарратологической практики; для рассмотрения устойчивых архетипических структур, мифологических мотивов привлекается мотивный анализ и ритуально-мифологический метод. Применяется методика интертекстуального анализа, отчасти — историко-генетический метод и методика исследования сюжетных архетипов. Также определенное влияние на методологию исследования оказали структуралистский и постструктуралистский подходы. Автором диссертации учтены теоретические положения, выдвинутые Ю. М. Лотманом, Е. М. Мелетинским, Б. А. Успенским, Р. Бартом, Ж. Дерридой, Ж. Женеттом.

Научная новизна работы обусловлена тем, что впервые анализируются формы неомифологического мышления в творчестве В. Пелевина.

Материалы диссертации могут быть использованы при создании на-

учной истории современной русской литературы, в вузовских курсах (спецкурсах) по современному литературному процессу, — что составляет **практическое значение работы.**

Теоретическая значимость определяется возможностью использования результатов исследования для теоретического осмысления специфики современного русского постмодернизма как литературного явления.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены на Всероссийской (2000 г.) и внутривузовских научных и научно-практических конференциях, отражены в публикациях в сборниках тезисов, статей, в журнале «Гуманитарные исследования».

На защиту выносятся следующие **положения.**

- Для В. Пелевина характерно внимание к современным мифологическим структурам, к мифам вообще, интертекстуально используемым при создании художественных текстов. «Неомифологизм» как элемент структуры проявляется уже в первом романе писателя («Омон Ра»), сформировавшись в ранних рассказах («Хрустальный мир», «Происхождение видов», «Синий фонарь»). В последующих текстах, в том числе в романах «Жизнь насекомых», «Чапаев и Пустота», «Generation П'», эта черта поэтики развивается, занимая доминантное положение.

- Мифологические структуры, являющиеся антецедентами по отношению к текстам В. Пелевина, в некоторых случаях вступают в отношения контаминации и образуют комплексы мифологем, изначально представляют из себя мифы; нарратор отсылает к целостному впечатлению от них, формирующемуся у персонажа либо реципиента. Элементы текстов романов «Омон Ра», «Жизнь насекомых», «Чапаев и Пустота», «Generation П'», таким образом, взаимодействуют не только с отдельными мифемами, но и с их общностями, в том числе выявленными непосредственно автором (в частности, в романе «Омон Ра» В. Пелевин впервые в художественной практике использует миф о современном на тот момент восприятии советской действительности).

- Актуальность для повествователя, архетипичность определяющих денотативную идею текста ситуаций подчеркивается как прямым заимствованием конкретных сюжетов архаичных мифологий, так и использованием мифологических мотивов и параллелизма. В романе «Омон Ра» место архаичного занимает советский миф, в роли традиционного мотива выступает характерная для советской культуры мифологема жертвенности индивидуума как члена самоценного социума. Роман «Чапаев и Пустота» построен на взаимодействиях культурного героя, его трикстеров и сферы хтонического ужаса, которая передает герою знание о мире через хранителей этого культурного объекта. Нарратор «Generation П'» развивает мотив испытания культурного героя, для создания космоса романа при-

влекается шумеро-аккадская мифология.

- Интертекстуально заимствованные мифологемы, элементы их структур, комплексы, образующие современные мифы, используются автором для структурирования предметного мира, с целью иллюстрирования своеобразия личности, чье сознание является носителем конкретной мифемы, либо ради саморазоблачения мифологемы как неадекватной той концепции реальности, которой придерживается автор. Неомифологемы и метарассказы способствуют облегчению рецепции конкретного текста, перекликаясь с мифами, повлиявшими в свое время на сознание имплицитного читателя, что осознается автором как возможный источник придания тексту определенной привлекательности и дополнительной коннотативной нагруженности.

- Свойство человеческого сознания структурировать индивидуальные мифемы привлекается В. Пелевиным для порождения в сознании конкретного реципиента ряда мифологических структур, в том числе для создания нарратором маски автора, выгодной для писателя, творящего миф о самом себе.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы, включающего 217 наименований. Общий объем диссертации — 174 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* обосновываются характер, цели и задачи исследования, определяются степень его актуальности и научной новизны, теоретическая и практическая значимость.

В *первой главе* «Неомифологизм как элемент поэтики ранних романов В. Пелевина («Омон Ра», «Жизнь насекомых»)» анализируется специфика названной черты поэтики двух первых романов писателя. Объектом изображения в романе «Омон Ра» становится политическое бессознательное эпохи позднего социализма, направленность ее мифологии на снятие противоречий в советском социуме. Из послышки о невозможности создания Советским Союзом космических аппаратов В. Пелевин структурирует предметный мир своего текста, показывая необходимость порождения, влияния определенных мифологем на сознание человека. В противном случае подразумевается возникновение дисбаланса между ожиданиями гражданина страны и реальным положением дел.

«Омон Ра» открывает ряд романов, в которых создание мифологем занимает место объекта изображения. Советская мифология и ее цели, механизмы, доведенные, как это свойственно поэтике В. Пелевина, до гротеска в соответствии с художественными задачами конкретного текста, становятся одним из главных объектов внимания, активным средством структурирования произведения.

Значим вопрос о возможности отнесения романа «Омон Ра» к исследуемому Ц. Тодоровым во «Введении в фантастическую литературу» жанру. Протагонист уверен в «естественности» происходящего до определенного момента. Все расхождения его мифа об окружающей действительности с тем знанием, которое протагонист обретает, практически идентичны подобным изменениям в восприятии реципиента. «Диалектика души» персонажа становится структурообразующим элементом для конструирования денотата данного диегезиса.

Для «Омона Ра» системообразующим оказывается хронотоп дороги, поскольку очевиден параллелизм этого романа В. Пелевина с романом воспитания, который находит свои истоки в архаическом сюжете преодоления «хтонической сферы ужасов» с целью инициации или обретения культурного объекта (данный параллелизм в большей степени характерен для романа «Чапаев и Пустота»).

При помощи хронотопа нарратором вводится концепция тождества «объективной реальности» и тесной кастрюли корпуса лунохода. Согласно

этой концепции, человек, подобно космонавту Омону Кривомазову, может лишь пытаться разглядеть что-то неопознаваемое за двумя сильно искажающими линзами лунохода, доверяясь в конечном итоге собственному сознанию, структурирующему из предложенных, а во многом им же и порожденных элементов картину эмпирической реальности. Удел сознания — плодить и плодить мифологемы, метаповествования для загнанного в металлическую обшивку тела; а это значит, что и выход из такой замкнутой системы невозможен, ибо он оказывается лишь несущественной сменной неба над головой, которое «на самом деле» останется все той же крышкой кастрюли.

В. Пелевин, помимо открытия подобных экзистенциальных параллелей, распознает богатый «предтекст» в комплексе (семантическом поле), который правомерно назвать «мифом о советском мифе» в состоянии на последние годы существования Советского Союза. В данном случае имеет место «конструктивная интертекстуальность»: автор обнаруживает параллелизм современных ему текстов, речевых практик, рефлексирующих на советской идеологии, «коллективном сознании» и не составляющих четко очерченный когерентный преинтертекст, а также актуализирует их семантическую общность.

Это создание «мифа о мифе», «метаамифологии», «метаметарассказа» и служит той эмпирической реальностью, в хронотопе которой действует протагонист и по отношению к которой он испытывает все те сложные и меняющиеся ощущения, что становятся предметом изображения для повествователя.

В структуру романа «Жизнь насекомых» нарратор вводит комплекс характерных, влиятельных для своего времени или, напротив, архетипичных мифологем, показывает возможности их суггестии и восприятия, особенности бытования, последствия зависимости от данных мифем большинства обладателей человеческого сознания. Он ставит целью изображение как можно более широкого поля, тезауруса современных мифов, составляющих индивидуальную картину мира «объективной реальности».

Нарратором исследуются несколько характерных, по его мнению, мифов: миф о Другом, миф о Новом, «женский миф» и др. Так называемый «миф о существовании», один из наиболее привлекательных для повествователя, интертекстуально заимствуется на уровне структуры в отрывке «Paradise» — это миф о жизни как трудном пути через «российский суглинок», где удовольствие сводится к редкой радости протагониста-насекомого от встреченных в земле и оставшихся в памяти предметов. Собственно, подобные «индивидуальные метарассказы», сочинением которых занимается отдельно взятое сознание, и являются иллюстрациями к центральному конфликту романа.

Характерна глава «Инициация», где персонажами также являются

насекомые: отец-навозник передает жизненный опыт сыну. Перед реципиентом текста оказывается изображение «центрального человеческого мифа», основанного на природном антропологизме и сводящегося к признанию собственной картины мира (индивидуального метарассказа о мире) единственно аутентичной. Но зрелость, к которой индивид приходит после инициации, — еще и ограниченность. До нее было будущее, и что-то хотя бы проступало из окружающего тумана; навоз шара, в таком случае, — свод правил поведения в мире, который этому миру в конечном итоге тождественен.

Таков своеобразный комментарий к представлению о мире как совокупности его картин в сознании отдельного человека. Информация об окружающем — это само окружающее.

Призванная все объяснить метафора «Всеобщего Мифа», гибельного, но единственного возможного, представляет из себя описание сцены у огромного пня южного дерева. В этой претендующей на глобальность метафоре присутствует и невозможность вычленить бесспорный денотат, и намеренно большой выбор коннотаций. Солипсизм нарратора большинства текстов В. Пелевина впервые проявляется так открыто. Личность, полагающая себя свободной от идолов, ограничений и прочих «влиятельных внушений», буквально возносится (протагонист в данном случае — ночной мотылек Митя) над омифологизированным большинством, соперяжая ему и одновременно считая невозможным оказание помощи.¹ В то же время притягательным пень делает лишь внимание самих его «адептов»: светящиеся гнилушки привлекают множество насекомых.

Свободное от мифов сознание (по мнению повествователя, видимо, таковое может существовать; оно же может отождествляться с постмодернистским) отторгает и одновременно испытывает жалость к «обыденному сознанию», которое у В. Пелевина персонифицируется в Йа, навозный шар из «Инициации» (нечто достаточно объективированное, при том — аморфное и легко проницаемое, — но не в обратном направлении).

Конфликт основной сюжетной линии, центральным героем которой является Митя, соотносится с конфликтами остальных романов В. Пелевина. Все они порождены солипсизмом протагониста, получившим как функция, реализуемая актором, развитие в романе «Чапаев и Пустота». Обращение к интертекстуальности как приему, двойное кодирование, демонстрация членения реальности на ряд создаваемых сознанием симулякров характеризует В. Пелевина в качестве прозаика, которому присуще постоянное внимание к мифу как к проявлению «коллективного бессознательного», как к форме влиятельной дискурсивной практики, транслируемой и одновременно воспринимаемой, как к причине и цели структурирования индивидуального сознания.

В. Пелевин старается казаться модным, удачливым автором, отнюдь

не чуждым творческому эксперименту, современным литературным приемам и традиционно уважаемому психологизму образов. Языковая игра, культурные аллюзии, обращение к выкладкам популярных направлений философской мысли призваны продемонстрировать реципиенту, что перед ним достойный внимания и читательского времени писатель.

Во второй главе «Неомифологизм и концепция пустоты в романе «Чапаев и Пустота»» исследуется специфика неомифологизма в структуре данного романа. Его функция сводима к иллюстрированию концепции «пустоты», имеющей большое значение для мировоззрения автора и постулирующей отсутствие существования всей эмпирически постигаемой реальности.

В романе В. Пелевина «Чапаев и Пустота» используется подход к романному конфликту, при котором система образов не ставит протагониста в заведомо внешнеположенную относительно остальных своих элементов позицию: протагонист испытывает сравнительно соразмерное влияние со стороны каждого. Чапаев как актер оказывает значимое воздействие на Петра Пустоту, делая систему образов центростремительной относительно персонажей, чьи имена вынесены в заглавие.

Протагонист романа, соотнесенный с культурным героем, испытывает давление хранителя культурной ценности, имеющего целью духовное совершенствование, инициирование Пустоты как посвященного в тайну существования себя и мира. Модернистская целеустремленность героя приводит его к деконструкции «объективной реальности» и осознанию возможности порождения собственной, соответствующей индивидуальным представлениям о комфорте, поскольку ничего другого опознавшему пустоту как неналичие какой-либо объективности не остается. Симулякр, созданным Пустотой, является мир личной нирваны, названной «Внутренней Монголией», место, где наиболее полно реализуется «особый взлет свободной мысли», эксплицируемый протагонистом в форму текста, который приравнивается к тексту романа «Чапаев и Пустота».

Современные мифологемы не используются нарратором для подчеркивания, например, символического или общечеловеческого смысла описанных в романе «Чапаев и Пустота» коллизий. В. Пелевин не сетует здесь о мифологизированности современного сознания, — напротив, она становится поводом для эстетического наслаждения (автор становится близким постмодернистской парадигме с ее релятивизмом и игровым отношением к любым традиционализированным нормам).

Текст романа «Чапаев и Пустота» структурируется с использованием целого комплекса дискурсов, более того, наиболее влиятельные из них, в конечном итоге, выступают в качестве одного антецедента, и подобный комплекс правомерно назвать не столько «текстом», сколько мифом, —

мифом о Василии Чапаеве, его времени и окружении. Мифом, который контаминируется с дзен-буддийским космосом, вписываясь в него (так называемая конструктивная интертекстуальность, как и в случае с романом «Омон Ра»).

Чапаев в системе образов текста В. Пелевина — «хранитель» культурной ценности. Подобным образом повествователь использует один из механизмов структурирования сюжета мифа — «драматизацию» как конфликт между культурным героем и хранителем.

Обретение Петром себя (как следствие присвоения культурных объектов) отождествляется с выделением из уробороса (оурбороса). Последний в древних мифологиях (например, в греческой) представляется единством, которое есть Вселенная. Мир, где существует Петр Пустота, имеет с ним много общего. С уроборосом в тексте романа соотнесена замкнутость цикла, в котором вращается герой, находя себя в реалиях гражданской войны или в стенах психиатрической лечебницы конца XX века. Имеет место ложный выход из цикла — «излечение» и выписка Петра из клиники. Читатель должен, исходя из здравого смысла, посчитать это обретением истины об окружающей действительности (оказывается, «настоящей» является знакомая читателю современность). Однако окончательное выделение из уробороса и вхождение в истинный мир совершается Петром лишь непосредственно в финале романа, и этот мир — Внутренняя Монголия, упомянутая однажды Чапаевым. Так происходит приобретение последней культурной ценности.

Правомерно также обратиться к семантическому полю, наиболее активно участвующему в творении современного мифа о «Василии Ивановиче» и сопутствующих ему персонажах. Имеется в виду цикл анекдотов с соответствующими героями. Существование комплекса подобных текстов, в свою очередь, обусловлено наличием разветвленного, сложно структурированного мифа о Чапаеве, порожденного советской идеологией, книгой Дм. Фурманова и кинофильмом братьев Васильевых, на которых фольклорный жанр и начал паразитировать, полемизируя с создаваемым мифом.

Функция анекдота у В. Пелевина определена достаточно четко: непосредственное использование подобных текстов служит не только привлечению читателя, но и способствует демонстрации их мифотворческой потенции; цель автора — не столько в том, чтобы сделать фольклорный текст элементом структуры своего романа (это выполнимо уже по причине свойственной анекдоту «тотальной способности» проникать в любую данную «письменную или устную жанровую систему» (Е. Курганов)), но сколько в попытке/желании полемизировать с ним, породить конфликт, произвести остранение. В том числе остранение образа Чапаева в романе по отношению к персонажу мифа.

Петр Пустота называет стремление к нирване (которая определяется в том числе омонимично его фамилии) своей целью в жизни. Его отказ от метафизики, «умозрительности» и приход «к покойному состоянию духа» — соотносим с буддийскими представлениям о цели существования. В романе «Чапаев и Пустота» В. Пелевин демонстративнее, чем в других своих произведениях, сопоставляет конструируемый предметный мир и буддийскую модель Вселенной.

В третьей главе «Современные метарассказы как объект исследования в романе “Generation П”» предметом рассмотрения становится в первую очередь современная мифология как самый влиятельный антецедент текста романа.

Неомифология — это комплекс, который включает социальные, политические и прочие мифологемы, являющиеся доминантными для современного сознания. В ней можно вычленить следующие элементы (проявления): идеологию как общность декларируемых мифологем, культуру как «отражателя» и носителя определенных комплексов эстетически корректированных мифологем (в каждом художественном произведении) и т.п. В последнем случае существенна способность культурных явлений не только транслировать комплексы мифов, но и обладать, в отличие от остальных «проявлений» мифологии, особенно мощной потенцией к созданию метарассказов и к изменению самой современной мифологии в конечном итоге. Достигается это тем, что культура в первую очередь оперирует художественными образами, более тесно соприкасаясь с неаутентичной объективной реальности «областью мифологии». Иначе говоря, любой текст безусловно воспринимает и передает мифологемы, транслирует и творит мифы, и одна из проблем автора состоит в том, осознает ли он подобную функцию своего текста. Как следует из вышеизложенного, В. Пелевин, повествователь его романов способен на это.

Продолжая традицию предыдущих текстов В. Пелевина, «Generation П» рассказывает о манипуляции сознанием, результат которой должен доказать полное отсутствие этого сознания (А. Генис). Текст постулирует: сознание современного человека обусловлено мифом — конкретнее, навязанными масс-медиа мифологемами — и лишь из них оно структурируется. Даже максимально освобожденное от воздействия легко игнорируемых мифологем сознание не избегает их воздействия. Пожалуй, впервые у В. Пелевина протагонист не стремится до конца следовать логике поступков, навязываемой сирруфом и духом Че Гевары (фигуры, родственные Диме из «Жизни насекомых», Чапаеву из «Чапаева и Пустоты»; акторы, соотносимые по функции с фигурами архаического мифа, испытывающими культурного героя), самостоятельно с комфортом устрояясь в обжитой действительности, достигая своеобразного варианта нирваны.

Герой романа отличается от близких авторской точке зрения персонажей предыдущих романов отсутствием «тоталитарного» желания преобразования бытия и сознания. Вавилен Татарский, разумеется, не противится занятию высокого положения в собственном космосе, но и своим достижениям обязан отнюдь не личным «пробивным способностям» на карьерной лестнице, ведущей к богине, а скорее благоприятному стечению обстоятельств.

Протагонист как актер преодолевает путь от подверженного влиянию «чужих» мифологем индивидуума, испытывающего и постепенно осознающего степень и источник этого влияния, через становление как «мифотворца» к позиции основного источника транслируемых в этой реальности мифов, разумеется, не освободившегося в силу естественной антропологичности от влияния каких бы то ни было мифов, но приобретшего ничем теперь не сдерживаемую способность творить и навязывать свои.

Посвященный технологии public relations, роман неожиданно столь удачно создает миф о себе, что в качестве представительных отзывов порождает следующие полусерьезные заявления: «<...> сперва было написано "Generation П", потом состоялись Большие Выборы. <...> наша серьезная литература преображает [жизнь] <...>» (Л. Пирогов).

Татарский желает преодолеть себя, выйти «из человеческого мира» в трансцендентный, потребляя различные галлюциногены. В момент заключения Вавиленом брака с богиней Иштар мы понимаем, что герою удастся преодолеть тот самый антропологизм, который считают главной причиной когнитивного диссонанса и невозможности не создавать в своем сознании мифологемы М. Бахтин, М. Фуко, Ч. Дженкс и другие.

К рекламе романа В. Пелевиным добавляется позиционирование читателя, заключающееся в навязывании последнему выгодного для повествователя образа автора. В частности, писатель опровергает доминирование личных впечатлений при создании романа, отрицает правомерность попыток соединить реального автора и героя романа в одно лицо.

В первую очередь повествователь стремится продемонстрировать наиболее для себя привлекательную маску писателя, достойного быть «властителем дум» читающих его. Он должен быть в меру глубоким, развлекательным, достаточно остроумным, потакающим читателю, —оставляя ему при том возможность небольшого мыслительного напряжения, необходимого как раз для того, чтобы ощутить себя вполне эрудированным.

В *заключении* обобщены результаты исследования, дающие основание для интерпретации романов В. Пелевина как неомифологических. Целостный текстуральный анализ данных романов становится базой для расширенного понимания их денотативных и коннотативных значений.

Функция неомифологизма сводится к префигурации тех или иных

системных элементов мифем, метарассказов, мифологий, в первую очередь современных.

Заемствование элементов мифологических структур приобретает характер интертекстуальности как приема, подразумевающего использование этих элементов для структурирования предметного мира и системы образов, для характеристики персонажа как создателя определенного мифа, а следовательно, и обладателя обусловленного этим мифом типа сознания, имеющего в виду выполнение тех или иных функций персонажа как актора. Привлечение некоторых мифологем призвано также облегчить рецепцию текста. Они соотносятся с наиболее влиятельными из воспринятых в свое время имплицитным читателем, что используется автором для придания тексту определенной конъюктурности.

Структуры, чья мифологическая природа намеренно актуализируется повествователем, выполняют, в свою очередь, функцию разоблачения тех идеологических, философских, мировоззренческих систем, элементами которых они являются. Подобные системы эксплицируются как расходящиеся с точкой зрения повествователя, а значит, не претендующие на обладание окончательной истиной о природе объективной реальности и собственно человека, истиной, обнаружение которой имеет для В. Пелевина принципиальное значение.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Неомифологизм в структуре романа В. Пелевина «Чапаев и Пустота» // Ученые записки: Материалы докладов итоговой научной конференции АГПУ (26 мая 2000 года). Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2001. Часть II. Литература. Русский язык. Иностранные языки. С. 20-26 (0,4 п. л.).

2. Современная мифология и межнациональные отношения (Роман В. Пелевина «Чапаев и Пустота») // Развитие и взаимодействие межнациональных культур как фактор стабильности межэтнических отношений в полиэтническом регионе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 21-22 ноября 2000 года. Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2000. С. 184-187 (0,3 п. л.).

3. Виктор Пелевин в контексте популярной литературы // Современные проблемы русистики и их интерпретация в системе «Школа — вуз»: Тезисы докладов научно-практической конференции. 27 марта 2001 г. Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2001. С. 52 (0,1 п. л.).

4. Современная мифология как элемент структуры романа В. Пелевина «Generation .П'» (Неомифологизм в популярной литературе) // Итоговая научная конференция АГПУ (27 апреля 2001 года): Тезисы докладов. Литература. Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2001.

С. 20 (0,1 п. л.).

5. Современная мифология как элемент структуры романа В. Пелевина «Generation П'» // Гуманитарные исследования: Журнал фундаментальных и прикладных исследований. № 4. Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2002. С. 55-60 (0,5 п. л.).

Миф о советском мифе: Советский космос в романе Виктора Пелевина «Омон Ра» // Итоговая конференция АГПУ (26 апреля 2002 года). Тезисы докладов. Русский язык. Литература. Иностранные языки. Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2002. С. 53 (0,1 п. л.).

03-2004